

ТАНЦУЕТ ХЕЛЬМИ ПУУР

ОГРОМНАЯ сложность подстерегала Хельми Пуур, когда ей предложили роль Одетты-Одиллии в «Лебедином озере». Если лирический образ Одетты был близок Хельми и рисунок роли получался необыкновенно искренним, юным и трогательным, то коварная обольстительница Одиллия была внутренне чужда хрупкой белокурой девушке. А создать нужно было и Одетту и Одиллию.

Вторую неделю московский балетмейстер Владимир Павлович Бурмейстер занимается только с Хельми. К его смелому предложению отдать главную роль балерине, только что вышедшей из стен хореографического училища, в театре «Эстония» отнеслись по-разному: одни недоуменно пожимали плечами, другие были удивлены.

«Прямо из училища — в primaдонны; есть и поопытнее», — не раз слышала она ядовитый полусмех и старалась молча и как можно незаметнее проскользнуть мимо. Да и стоит ли обращать на это внимание? Нужно работать, работать, работать.

Она выходила из театра вечером. Островские, знакомые с детства таллинские башни плыли в туманной дымке. Древние стены из дикого серого камня казались покрытыми инеем. Утомленная Хельми сядила в трамвай и ехала домой — в рабочий поселок на окраину Таллина.

Мать и братья ждали Хельми к ужину. В семье Пуур не привыкли много говорить. Здесь считалось, что с самым трудным нужно справляться без лишних слов. Хельми молча сядила за стол и заставляла себя есть.

Рослые братья поглядывали на маленькую сестренку сверху вниз. Оба они были отличными спортсменами, и их интересовало, как Хельми «тренируется». Изредка они давали ей советы из своей спортивной практики, но, увы, ни один из них не годился для балета.

Старенькая мама, вырастившая троих детей, с тревогой всматривалась в осунувшееся лицо Хельми и украдкой вздыхала. Она-то лучше всего знала, что такое усталость, — всю жизнь проработала садовником. Но знала она и другое: когда видишь, как распустились бутоны чудесных цветов, выращенных своими руками, любая усталость проходит.

Засыпая, Хельми слышала музыку знаменитого балета Чайковского. Ей часто снился старый парк Кадриорг, где, изогнув гибкие шеи, плавали в пруду три лебедя. Один из них подплывал к ней и говорил:

— «Лебединое озеро» не только красивая сказка. Это сильная драма о большом чувстве.

...Полутемный и почти пустой театральный зал казался особенно огромным и недружелюбным. Хрупкая девушка стояла у кулисы, и руки ее были безжизненно опущены. Когда концертмейстер сел за рояль и взял первые аккорды, Хельми смущенно вышла на середину сцены, и вдруг руки девушки ожили, вздрогнули, затрепетали, как крылья птицы, безмолвно жалуюсь и тоскуя. Они передавали волнение первой встречи, мечту о любви. Одетта рассказывала свою печальную повесть.

Пронеслись, растворились в тишине звуки адажио. Репетиция на несколько мгновений прервалась. На плечо Хельми легла рука учителя, режиссера и друга — Владимира Павловича Бурмейстера.

— Отдохни немного, Хельми, и давай-ка вспомним еще раз эту чудесную сказку, — услышала девушка мягкий голос Владимира Павловича.

Хельми смотрела на учителя большими, изумленными глазами. Она много раз слышала эту сказку, однако конец ее прозвучал неожиданно:

— Юный принц полюбил Одетту не только за то, что она была прекрасной: она не боялась бороться за свое счастье. А настоящее счастье — трудное, оно под силу не каждому.

— Опять будем репетировать? — спросила она.

— Конечно...

За три месяца Хельми повзрослела на несколько лет. Улетели лебеди из Кадриорга, наступила зима... Настал и день премьеры.

Все было, как на репетиции, только наряднее, радостнее, торжественнее.

Танцуя, Хельми почти все время видела на привычном месте учителя. Сегодня на его лице можно было прочесть и одобряющую улыбку и чуть приметное чувство гордости.

Окончен спектакль. Еще гремит аплодисментами зал, а Хельми уже поздравляют друзья по сцене, руководители театра, знакомые. Но вот рядом сидит Владимир Павлович. Он отодвигает в сторону букеты цветов, конфеты и, как всегда, мягко, по-дружески говорит:

— Теперь, дочка, ты стала артисткой, а это значит — много требовательности к себе, много, очень много работы и ни капли зазнайства.

...Десятки, сотни раз поднимался занавес. Хельми выступала не только в театре «Эстония», но и на сцене столичного театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

После Одетты она создала лирический образ Марии в «Бахчисарайском фонтане» и главную роль в национальном эстонском балете «Тийна», написанном композитором Лидией Аустер.

Последняя работа была трудной. Последний драматический образ эстонской девушки Тийны, овеванный дыханием старинных народных легенд, увлек Хельми своей сложностью. Вместе с режиссером Б. А. Фенстером и другой исполнительницей этой роли — Эйке Йоасоо — Хельми придирчиво перебирала самые различные краски на палитре балетного искусства, чтобы передать трагедию влюбленной девушки, которую обвинили в колдовстве.

Уже шли генеральные репетиции. Воплощенный в движениях образ Тийны принял ясные, почти скульптурные очертания, но у обеих балерин Тийна получалась разной: у Хельми она была более нежной и лиричной, у Эйке — резче и драматичнее. Все это обещало не только интересный спектакль, но и тему для большого творческого спора.

...Новый, 1956 год начался для молодой балерины необыкновенно. Холодной январской ночью самолет покинул московский аэродром и перенес ее в страну чудес. В составе делегации советской молодежи Хельми Пуур отправилась в путешествие по Индии.

Неповторимые памятники древней культуры, море живых цветов и свет дружбы, искрящийся в бархатных черных глазах, много взволнованных слов, сотни тысяч протянутых дружеских рук, каждую из которых хотелось крепко пожать, — этого ей не забыть никогда.

Снова наступила пора напряженной работы. К репетициям и выступлениям прибавился еще один, непривычный для Хельми способ общения с аудиторией. Она часто перечитывала путевой дневник, а затем в рабочих клубах, школах, институтах рассказывала о встречах на индийской земле. Молодая балерина стала членом ЦК ЛКСМ Эстонии.

Весной артистка впервые выступила в роли Тийны. В дни декады эстонской литературы и искусства москвичи увидят ее в этом балете.

В. НАКАРЯКОВ.